

≈ 24 мин

Нам всем «посчастливилось» жить в период одного из самых значительных социально-экономических экспериментов, результаты которого уже отразились на истории всего человечества и ещё будут иметь долгосрочные последствия. Речь идёт о развале первого в истории социалистического государства — СССР.

Переход экономики СССР на рыночные рельсы начался задолго до развала советского государства, тем не менее, только приватизация смогла разрушить некогда единый промышленно-экономический комплекс, ознаменовав тем самым вступление в период первоначального накопления капитала и переход к капиталистической форме общественных отношений. Экономические законы, свойственные ей, заработали в полную силу, запустив процессы форсированного развития капитализма. Как эмбрион человеческого организма проходит все стадии эволюции живого организма, так и капиталистический зародыш, паразитируя на богатом ресурсами социалистическом организме, в течение 25 лет преодолел все исторические стадии развития капитализма — от «свободной конкуренции» до монополистической концентрации.

Вслед за организмом менялся и его дух. Ростки капиталистического мировоззрения, которые были законсервированы в сознании граждан первого в мире рабочего государства, попав на благодатную социально-экономическую почву, дали невиданные всходы. Возрождение капиталистических отношений на просторах постсоветского пространства с неумолимой необходимостью привело и к возникновению паразитического класса господ — буржуазии.

Зародившись как раковая опухоль в теле Советского государства, класс

носителей буржуазных ценностей обречён остаться в истории самым реакционным классом, отбросившим прогрессивное развитие человечества на столетие назад. Естественно, что представители этого класса не могут черпать свою идентичность из СССР, первое в мире рабочее государство классово чуждо им, они предпочли бы вообще забыть о его существовании. Отсюда они могут черпать свою идентичность только в не менее реакционном и отжившем. Их выбор — царская Россия.

Рассматривая модели поведения, господствующие в среде крупного бизнеса и чиновничества на нынешнем этапе исторического развития, я постоянно ощущаю дежавю, и это не случайно. Правящий класс современной России в точности воспроизводит бытовые и поведенческие особенности, которые были свойственны его предшественникам конца XVIII — начала XIX в.

За примерами далеко ходить не надо. В последнее время в связи с обострением межимпериалистических противоречий в мире усилилась конкурентная борьба между представителями крупного российского национального и компрадорского капиталов. В медийном пространстве ярким представителем последнего является Алексей Навальный. Благодаря расследованиям его Фонда по борьбе с коррупцией (ФБК) мы можем увидеть, как живут представители высшего чиновничества и крупной империалистической буржуазии. Бросается в глаза тяга многих представителей правящего класса к строительству огромных, поражающих воображение своей роскошью загородных резиденций — усадеб. Забавно, что некоторые из них построены с использованием традиционных архитектурных форм, свойственных для усадебного строительства конца XVIII — начала XIX века.

Для того чтобы разобраться в данном культурном феномене, обратимся к истокам.

Нарождающийся русский буржуа XVIII — первой половины XIX века имел очень важную особенность: невероятное стремление проникнуть в элиту российского общества того периода — дворянство. И здесь, как говорится, истина была в вине: предприниматели из купечества первоначальный свой капитал делали в области винокурения, тесно связанной с интересами государства. Логика была следующая: эксплуатируя винную регалию, казна получала доходы, составлявшие значительную часть бюджета государства. Оно делилось частью прибыли с купечеством, которое использовало винную регалию. Эта связь абсолютистского государства с предпринимателями из среды купечества прослеживается и по другой линии — промышленникам предоставлялись разнообразные привилегии, а многим из них — возможность проникновения в ряды дворянства¹.

Вообще, тяга к чинам и званиям представителей нарождающейся российской буржуазии — чрезвычайно интересный и важный аспект истории, раскрывающий социальные условия её деятельности в рамках сословно-иерархического общества. Чины и ордена, в отличие от почётных званий, не только повышали общественную значимость и респектабельность отдельного капиталиста, но и позволяли выйти за пределы сословно-социальной обособленности и повысить свой статус².

Смена положения, когда предприниматель попадал на вершину социальной иерархии, подразумевала соответствие некоторым жёстко регламентированным

моделям поведения. Это было одним из методов поддержания иерархической структуры общества. Сам статус дворянина не оставлял выбора в модели поведения, требуя соответствия принадлежности к элите российского общества.

Новые дворяне не жалели средств, чтобы утвердить себя в рядах привилегированного сословия. Например, крупные промышленники, подражая знатным вельможам, строили при заводах богатые дома, обзаводились многочисленной прислугой, псовой охотой, оркестрами³.

Несмотря на различия в образе жизни заводовладельцев, существовали общие нормы, следование которым было своего рода «делом чести». К таким нормам относились: 1) «праздное потребление», 2) «гостевание»⁴. Существовал стандартный «набор излишеств», который стремился иметь каждый заводовладелец. В него входили оранжереи с экзотическими фруктами, зверинцы, парки с павильонами и прудами, картины и т. д.

«Праздное потребление» и «гостевание» были краеугольными камнями усадебного быта дворянской эпохи, к которому стремился и нарождающийся класс буржуазии. В этих условиях ключевыми фигурами пространства усадьбы были хозяин и гость. Хозяином мог быть как сам заводовладелец, который постоянно жил при заводе, так и заводовладелец, приезжавший в свою усадьбу на время, например, для того, чтобы следить за деятельностью завода. Фактически в таких случаях он сам становился гостем: его приезд в заводскую усадьбу обставлялся как гостевой приезд.

В качестве примера «гостевания» можно привести комический случай,

произошедший с крупными заводовладельцами братьями Баташёвыми. Это событие показательно и тем, что даёт представление о культурном облике предпринимателей.

Ещё во время совместного владения имением на Выксунский завод приехал один из московских сановников, знакомый князя Долгорукого. Иван Родионович Баташёв, соблюдая дворянскую традицию, пригласил гостя на парадный обед. Брата же Андрея предупредил, чтобы тот меньше разговаривал. Князь вёл беседу с Иваном Родионовичем, изредка поглядывая на сидевшего рядом облачённого в парадный дворянский костюм Андрея. К столу была подана простокваша, которой Иван Родионович с изысканной вежливостью стал угощать сановника, говоря, что её специально для гостя приготовила его жена Елизавета Осиповна. Князь ел и похваливал, расточая лестные речи об имении Баташёвых и, между прочим, обратился к Андрею с каким-то вопросом. Андрей продолжал молча есть простоквашу. Гость не унимался и повторил вопрос. Брат незаметно толкнул Андрея, давая ему таким образом понять, что молчать неприлично. После этого Андрей моментально заговорил с улыбкой:

«Грех есть обедая, глаголити непотребное; за это эпитимия святыми отцами преподана нам грешным: поста 3 дня, и поклонов тридцать утром и вечером. Грех блевати от объедания — поста 3 дня, сухоясти единожды в день, поклонов пятнадцать утром и вечером. Грех есть показывати тайный уд...»

Чтобы прервать поток изречений об эпитимиях, налагаемых староверами, Иван Родионович дёрнул брата за кафтан, да так, что тот свалился со стула и

опрокинул на свой дворянский кафтан чашку с простоквашей, рассмешив сидевшего рядом князя и прочих приглашённых. Когда лакей подошел убрать пролитое и обратился с предложением к Андрею: *«Позвольте, барин, почистить...»*, то в ответ услышал: *«Какой я к чёрту барин? Ни в карты, ни в ладоши и говорить по-барски не могу. Был тульским мещанином, и помру таким же мужиком»*, — и вышел из-за стола⁵.

По мере того, как росло богатство Баташёвых, рос и круг знакомых. Желая быть заметным лицом, И. Р. Баташёв не скупился на расходы. Он стремился окружить себя роскошью и во всём хотел видеть проявление своего могущества и богатства. Заводовладелец всегда желал присутствия за столом множества гостей. Приглашая кого-либо к себе, он преследовал практические цели. Поэтому среди гостей Баташёва можно было встретить и тех, с кем он имел деловые связи. А так как эти связи были велики, в Выксе всегда было многолюдно.

И. Р. Баташёв содержал при доме большой штат челяди — до 300 человек. Всегда наготове имелся изобильный стол. На предложение близких изменить заведённый порядок и сократить расходы на провизию он неизменно отвечал:

«Всё это вы можете сделать, когда я умру»⁶.

Гости, как и хозяева, зачастую выступали в различных ролях: они могли приехать ненадолго, но могли гостить и длительное время. Цели этих визитов были не только деловые: это и театральные представления, знакомства с приезжими писателями, художниками, музыкантами, осмотр нововведений в хозяйстве. Особенностью усадеб центральной полосы было то, что они

располагались на достаточно близком расстоянии друг от друга. Часто мелкопоместные дворяне из округи подолгу гостили у Баташёвых.

Андрей Родионович, после раздела имения в 1783 году, не уступал своему брату в расточительстве и жил в своей Гусевской усадьбе как истинный русский барин, за чьим столом ежедневно собиралась толпа приживальщиков и гостей. Выезжал он не иначе, как в карете, запряжённой цугом, вокруг которой скакали в обшитых золотыми позументами кафтанах гайдуки⁷. По свидетельству современников, когда Андрей Родионович Баташёв отправлялся на охоту, прихлебатели из мелкопоместных дворян исполняли у него роль гончих, усердно бегая за зайцами⁸.

Андрей Баташёв, нажив поражавшее современников огромное богатство, порой не знал, на что тратить приобретённые правдой и неправдой деньги. До нас дошёл интересный эпизод из его жизни, хорошо характеризующий его поведение. По разрешению Берг-коллегии Андрей Родионович послал своего сына Андрея в Англию для изучения металлургической промышленности. Получив на расходы один миллион рублей, сын восемьсот тысяч привёз обратно и сдал отцу. Андрей Родионович рассвирепел:

«Что же ты, болван, не мог им там, собачьим детям, показать, как я приказывал, что значит русский заводчик Баташёв! Не знал, видно, что денег мне и без того девать некуда, а слава мне дорога! Вон отсюда, пока цел, и чтобы отныне и до веку на глаза мне не казаться!!!»⁹

И молодой человек был отправлен в ссылку на Еремшинский завод.

Андрея Родионовича нельзя было назвать хорошим семьянином, детей он любил мало и практически о них не беспокоился. Дети боялись отца, который по малейшему поводу впадал в гнев и выносил суровые наказания. Получив извещение о смерти отца, Андрей Андреевич, сосланный на Еремшинский завод, только после долгих колебаний решился приехать в Гусь. На протяжении всего пути его мучили тяжкие раздумья: а что если известие о смерти ложно, и старик, при одной мысли о котором он трепетал от страха, жив? На половине пути Андрей послал верного человека из числа своих провожатых в имение. Вернувшись, тот уверил его, что видел собственными глазами Андрея Родионовича лежащим в гробу. Значит, можно было ехать дальше¹⁰.

Традиции «гостевания» и «праздного потребления» были продолжены преемниками Ивана и Андрея Баташёвых, которые отличались не меньшей расточительностью, а в чём-то даже превзошли своих предшественников. Прежде всего, это относится к генералу и кавалеристу Дмитрию Дмитриевичу Шепелеву. Принадлежность к известной в столичных кругах дворянской фамилии во многом обусловила его неординарное поведение. В расточительности ему не было равных. За достаточно короткий срок он практически истратил фамильное богатство, перешедшее к нему по наследству.

Рассматривая повседневный образ жизни Дмитрия Дмитриевича, мы постоянно видим расточительство и праздное потребление. К примеру, когда в 1812 году Шепелева призвали в действующую армию, его сопровождал огромный обоз, состоящий из дворовой челяди с массой всевозможных припасов и принадлежностей роскоши и комфорта. На беду, караван попался на глаза самому Александру I. Царь гневно распорядился, чтобы роскошный генерал

вернулся обратно в своё имение, ибо *«он идёт не воевать, а пировать»*¹¹ .

В Выксунской усадьбе Д. Д. Шепелев расширил прилегающий к большому дому парк, настроил в нём беседок, мраморных гротов, насыпал курганы, нарыл канавы, возвёл водокачку для их обводнения. А на курганах сделал беседки с надписями «Моё отдохновение». В парке часто устраивались так называемые афинские ночи, где в качестве «жриц любви» выступали крепостные девушки, развлекавшие Шепелева и его гостей¹² .

Одной из причуд Д. Д. Шепелева была страсть к лошадям. Для своих любимцев генерал соорудил при усадьбе великолепную конюшню. Всех гостей Шепелев вёл сначала туда, а уже потом показывал им свои апартаменты и размещал... согласно отзывам о «лошадином дворце»¹³ .

В своих «Воспоминаниях о детстве и юности (1820–1840) писательница Евгения Тур даёт следующую характеристику Д. Д. Шепелеву, родственнику её по матери (М. И. Сухово-Кобылиной). Она пишет о необузданном характере Шепелева, проявлявшемся в грубом обращении с родными и посторонними, его вспыльчивости, переходящей нередко в бешеные выходки, неразборчивости в приобретении знакомств, стремлении окружить себя подозрительными личностями, мастерами по выкачиванию денег и т. д. Дом в Выксе по воле его владельцев превратился в *«нечто вроде постоянного двора, где располагался каждый, сумевший угодить хозяину»*¹⁴ .

Эстафету праздной жизни своего отца перенял Иван Дмитриевич Шепелев. По описаниям современников, он был высокообразованным человеком, большим любителем искусства. Он ценил живопись, скульптуру и сам рисовал весьма

недурно, но предпочитал всему музыку. Дом в Выксе превратился в средоточие культурного излучения. В доме находились особые мастерские для живописи, скульптуры, салон для занятия музыкой; в последнем помещении занимался сам Шепелев и делались спевки¹⁵.

Как мы видим, после того, как заводы Ивана Родионовича перешли к другому роду, Выкса ещё больше прославилась, но только не успехами в промышленности. Её новые владельцы в течение нескольких поколений единственной целью своей жизни и деятельности поставили «веселье». Выкса сделалась центром весёлой и праздной жизни высшего общества нескольких губерний. Отовсюду съезжались сюда гости, чтобы благодаря широкому русскому хлебосольству хозяев вкусить всех наслаждений — и грубых чувственных, и самых утонченных, европейских.

Новые владельцы были знамениты своими роскошными приёмами, которые они устраивали не только в Выксе, но и в Москве. На подобных праздниках жизни за одним столом собиралось более 50 человек — «все неожиданные гости», как уверяли хлебосольные хозяева¹⁶. Слава праздников и пиршеств Выксы гремела по всей России. Едва ли она не доходила до столиц Европы, так как бывали здесь и иностранцы. Чтобы блеснуть туалетом на Выксунском балу, дамы выписывали наряды из Парижа.

Гости съезжались на бал не только по приглашениям, они находились в пространстве усадьбы постоянно. Всё время у Шепелевых присутствовали посторонние люди, так как на Выксе было большое общество. Оно состояло из чиновников горного ведомства, нескольких молодых горных офицеров и лесных

чиновников, — в районе имений Шепелева находился большой участок казённого леса, — машинистов по заводской части, техников всякого рода и национальностей, немцев, англичан с их семьями. Кроме того, постоянно на Выксе находились приезжие из обеих столиц, собиравшихся на Выксу или по приглашению хозяина, или по делам, для заказов и приёмов, правительственных и частных, чугунных изделий всякого рода — решёток, рельс и т. д.¹⁷

Повседневная жизнь в усадьбе И. Д. Шепелева обычно включала набор повторяющихся изо дня в день действий. Утром за завтраком собирались все вышеперечисленные приживальщики, общее их число доходило до 30 человек за одним столом. К столу подавались великолепные кушанья и вина, дичь для стола была свежая, потому что её ежедневно доставляли егеря из заводского леса¹⁸.

После завтрака играли обыкновенно в бильярд и упражнялись в стрельбе в тире или парке, смотря по погоде. Азарт порой доводил до интересных ситуаций. Брат Ивана Дмитриевича Шепелева Николай Дмитриевич был очень азартным игроком и во время игры, если удача была не на его стороне, не мог порой остановиться. Один раз ему особенно не везло: он горячился, проиграл несколько партий кряду и стал удваивать ставки. Фортуна повернулась к нему спиной и он проиграл своему оппоненту десять тысяч рублей. Однако, успокоившись, он отыграл семь тысяч, вместо остальных трёх тысяч, он по просьбе соперника вынужден был отдать известную скрипку работы Гварнериуса, которая была при Выксунском оркестре¹⁹.

Ещё одним излюбленным времяпрепровождением хозяев и гостей усадьбы были карты. Карточные игры к середине XIX в. превращаются в важнейшее публичное занятие, прочно укореняются в повседневном быту и становятся популярными не только у столичной элиты, но и у провинциальных обществ. Свидетельством распространённости карточных игр в быту служат указанные в описях имущества ломберные столы, бывшие практически в каждом доме. Умение играть в карты становится и элементом светской образованности.

Важным атрибутом повседневной жизни в усадьбе была охота. Эта «барская забава» была широко распространена, о чём свидетельствует множество изданных пособий по псовой охоте²⁰. С этой целью заводились специально оборудованные псарни. К охотничьим собакам было совершенно особое отношение, для их содержания в усадьбе Шепелева был построен специальный охотничий двор. К примеру, у брата Ивана Дмитриевича Шепелева, Николая Дмитриевича особенно славилась собака Дианка, у которой было великолепное чутьё, она способна была незаметно подвести охотника совсем близко к дичи. За неё Шепелев заплатил огромную по тем временам сумму 500 рублей²¹.

Сам Иван Дмитриевич особенно любил травлю волков собаками. Как только замерзали пруды, выпускали на лёд двух-трех волков, а к ним — несколько сильных собак. Это зрелище собирало толпы зрителей²².

Охота всегда обставлялась с особой роскошью. Она представляла собой вереницу *«из двадцати пяти телег, в каждой из которых сидело по четыре собаки и при них „человек“.* Сопровождавшая их прислуга была одета в *разнообразный охотничий костюм: короткие серые куртки с серебряными*

пуговицами, широкие синие шаровары, барашковые высокие шапки с красными свешивавшимися на один бок курпеями и красными широкими кушаками. У борзятников, выжлятников и доезжачих были свои собственные серебряные значки, прицепленные к левому плечу, и у каждого за поясом по кинжалу. За телегами ехали пять громадных дрог, с клетками, в которых сидели медведи»²³

Как видим, горнозаводское дело всё более отходило на второй план. Новых хозяев жизни больше заботило удовлетворение своих неуёмных фантазий.

Современная постсоветская буржуазия не уступает своим предшественникам, в точности воспроизводя бытовые и поведенческие особенности. Заимствование форм говорит о том, что молодая постсоветская буржуазия, с одной стороны, страдает комплексом неполноценности и подражанием бытовым формам XIX в. пытается показать свою причастность к элите; с другой стороны, в этом она ищет своеобразные исторические точки опоры, на которые смогла бы опереться, обосновав свою преемственность. Отсюда этот интерес исторической науки к зарождению предпринимательства в России.

Как мы уже отмечали выше, предприниматели-заводовладельцы, получившие дворянское звание, стремились соответствовать новому статусу, копируя уклад жизни правящего класса. Однако если классическая дворянская усадьба находилась обычно в стороне от глаз крестьянства, то повседневный быт заводовладельца непосредственно соприкасался с бытом мастеровых, работников металлургических предприятий. Пока за окнами заводской усадьбы в тёмных и удушливых от жара печей цехах трудились мастеровые, теряя своё

здоровье, их хозяева в комфортной и роскошной обстановке предавались радостям жизни.

С одной стороны — дымящая домна, изрыгающая дым и пламя, невыносимые условия полурабского труда, с другой — «гостевание» и «праздное потребление» — как символ богатства и благоденствия. В этих внешних формах выражалось глубокое противоречие, свойственное эпохе. Именно это противоречие явилось движущей силой развития исторического процесса тогда и снова послужит движению вперёд в наше время. Не зря роскошные усадьбы Медведевых, Миллеров, Сечиных уже сейчас пробуждают дремлющее чувство классовой ненависти у современных наёмных работников.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. Павленко Н. И. История металлургии в России 18 в.: Заводы и заводовладельцы. — М., 1962. — С. 495. ↩
2. Боханов А. Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. — 1914 г.). — М., 1992. — С. 60. ↩

3. Павленко Н. И. История металлургии в России 18 в.: Заводы и заводовладельцы. — М., 1962. — С. 514. ↩
4. Ларионова М. Б. Дворянская усадьба на Среднем Урале: Вторая половина XVIII — начало XX в.: Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. — Екатеринбург, 2006. — С. 179. ↩
5. Дубодел А. М. Заводовладельцы Замосковского горного округа в конце XVIII — первой половине XIX века: социокультурная и техногенная среда предпринимательской деятельности. — Саранск, 2004. — С. 317. ↩
6. Русева Л. Владимирские Мономахи // Смена. — 1997. — № 10. — С. 53. ↩
7. Там же, С. 50. ↩
8. Дубодел А. М. Заводовладельцы Замосковского горного округа в конце XVIII — первой половине XIX века: социокультурная и техногенная среда предпринимательской деятельности. — Саранск, 2004. — С. 318. ↩
9. Гайдуков В. Из народных преданий об Андрее Радионовиче Баташеве // Тр. Рязан. учен. арх. комис. — Рязань, 1999. — Т.22, вып 2. — С. 8. ↩
10. Арсентьев Н. М. Дубодел А. М. Во славу России... Трудовая мотивация и образ рос. предпринимателя конца 18 — первой половины 19 века. — М., 2002. — С. 245. ↩
11. Дубодел А. М. Заводовладельцы Замосковского горного округа в конце XVIII — первой половине XIX века: социокультурная и техногенная среда предпринимательской деятельности. — Саранск, 2004. — С. 320. ↩
12. Арсентьев Н. М. Дубодел А. М. Во славу России... Трудовая мотивация и образ рос. предпринимателя конца 18 — первой половины 19 века. — М., 2002. — С. 249. ↩
13. Киселев А. Г. Несколько дней в замечательном имени, или Выкса 180 лет назад. — М., 2007. — С. 15. ↩

14. РГАЛИ, ф. 447, д. 1, л. 15. ↩
15. Воспоминания Н. Я. Афанасьева // Исторический вестник. — 1890. — Т. 41. — С. 39. ↩
16. Толычева Т. Несколько слов о семействе Баташевых // Русский Архив. — 1871. — С. 2118. ↩
17. Воспоминания Н. Я. Афанасьева // Исторический вестник. — 1890. — Т. 41. — С. 43. ↩
18. Глушковский А. П. Воспоминание балетмейстера. — М.; Л., 1940. С. 133. ↩
19. Воспоминания Н. Я. Афанасьева // Исторический вестник. — 1890. — Т. 41. — С. 46. ↩
20. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX в.: Исторические очерки. — М., 2001. — С. 373. ↩
21. Воспоминания Н. Я. Афанасьева // Исторический вестник. — 1890. — Т. 41. — С. 45. ↩
22. Дубодел А. М. Заводовладельцы Замосковского горного округа в конце XVIII — первой половине XIX века: социокультурная и техногенная среда предпринимательской деятельности. — Саранск, 2004. — С. 323. ↩
23. Мамин-Сибиряк Д. Н. Доброе старое время. — Уральские рассказы. — М., 1958. — Т. 4. — С. 436. ↩